

читаем, а Олав знаменит своим путешествием. И неудивительно, что такие люди, как он, стремятся все вперед и вперед, потому что на его долю досталось и благородное происхождение и красота. Но я должен поговорить об этом с Торгерд, потому что ни одному мужчине не удалось бы получить Торгерд без ее согласия.

Хаскульд сказал:

– Я хочу, Эгиль, чтобы ты поговорил об этом со своею дочерью.

Эгиль сказал, что так и будет. Тогда Эгиль пошел, отыскал свою дочь, и они стали беседовать друг с другом. Эгиль сказал:

– Есть человек по имени Олав, и он сын Хаскульда. Он теперь самый знаменитый человек. Его отец Хаскульд был здесь с поручением от Олава и сватался к тебе. Это дело я целиком предоставил твоему решению. Теперь я хочу узнать твой ответ, но нам кажется, что дать этот ответ будет нетрудно, потому что такое сватовство почетно.

Торгерд ответила:

– Я слышала, как ты говорил, что любишь меня больше, чем других своих детей, но теперь мне думается, что это неправда, раз ты хочешь выдать меня замуж за сына служанки, пусть он и красив и превосходит всех.

Эгиль сказал:

– Ты не так хорошо наслышана об этом, как о других вещах. Разве ты не знаешь, что он сын дочери Мюркьяртана, короля ирландцев? Род его матери гораздо знатнее, чем род его отца, а родство и с этим родом не унизила бы нас.

Торгерд не хотела признать это. На том их беседа кончилась, и каждый остался при своем мнении. На следующий день Эгиль пошел к палатке Хаскульда, и Хаскульд принял его хорошо. Они завели беседу друг с другом. Хаскульд спросил, как обстоит дело со сватовством. Эгиль дал понять, что он недоволен, рассказал, как все было, и добавил, что не видит выхода. Хаскульд согласился с этим.

– Но я полагаю, – сказал он, – что у тебя были наилучшие намерения.

Олава при этой беседе не было. Затем Эгиль ушел. Тогда Олав спросил, как обстоят дела со сватовством. Хаскульд сказал, что дело, видимо, задерживается из-за Торгерд. Олав отвечал:

– Теперь случилось так, как я тебе предсказывал, отец, когда говорил, что мне доставит мало радости, если я получу презрительный отказ в ответ на мое сватовство. Это была скорее твоя мысль – начать это дело. Но теперь я сам хочу позаботиться о том, чтобы это дело не кончилось ничем. Верно говорят, что чужие услуги не доведут до добра. Я сразу же отправлюсь к палатке Эгиля.

Хаскульд сказал, чтобы он поступил как хочет.

Вот как был одет Олав: на нем было пурпурное одеянье, которое конунг Харальд подарил ему. На голове у него был золотой шлем, а в руке он держал меч, который ему подарил король Мюркьяртан.

Хаскульд и Олав отправились к палатке Эгиля. Хаскульд шел впереди, а Олав сразу же за ним. Эгиль принял их хорошо, и Хаскульд уселся возле него, но Олав оставался стоять и озирался вокруг. Он увидел, что на поперечной скамье в палатке сидит девушка. Она была красива, величава и нарядна. Он понял, что это, несомненно, Торгерд, дочь Эгиля. Олав подошел к скамье и сел возле девушки. Торгерд приветствовала его и спросила, кто он. Олав назвал свое имя и имя своего отца.

– Тебе, верно, кажется, что сын служанки стал наглым, раз он решается сидеть здесь и беседовать с тобой.

Торгерд ответила:

– Тебе, верно, памятно, что ты совершал подвиги более смелые, чем говорить с женщинами.

Затем они начали беседовать друг с другом и проговорили весь день. Никто не слышал, о чем они говорили. Рí прежде, чем их беседа пришла к концу, они позвали Эгиля и Хаскульда. Речь снова зашла о сватовстве Олава. Торгерд теперь покорила решению своего отца. Тогда дело было легко доведено до конца, и помолвка сразу была объявлена. Люди из Лаксдаля выговорили себе почетное условие: они брали невесту к себе в дом, и свадебный пир должен был состояться в Хаскульдсстадире, за семь недель до окончания лета.¹⁵ Затем Эгиль и Хаскульд расстались, и Хаскульд с Олавом отправились домой, в Хаскульдсстадир и провели все лето дома, и больше ничего не произошло.

¹⁵ По исландскому календарю лето начиналось в четверг перед 26 апреля, а зима – в субботу перед 28 октября.